Универсальный человекозаменитель

Никита Дмитриевич Чугунов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Посвящается Ольге Перфиловой.

Особая благодарность — Дмитрию Шияну из МГИМО, который придумал слово «человекозаменитель» и тем самым подсказал мне идею рассказа.

- Чугунов Никита
  - ПРОЛОГ
  - НАЧАЛО
  - Я
  - ОН
  - ОНИ
  - ОН И ОНА
  - МЫ

Чугунов Никита
Универсальный человекозаменитель

ПРОЛОГ

У Сталина был двойник. У Гитлера был, и не один. Почти у всех великих политиков были. Чтобы избежать покушений. Двойник-это ведь не я любимый, его можно при случае и в расход пустить. Но работа денежная, да и почета много. Жаль только, в учебниках по истории не упоминают двойников, и умирают они в безвестности, чаще всего неестественной смертью. Но-такова спортивная жизнь. Предприимчивый двойник мог сделать финт ушами-и сразу в дамки. Почему бы не затребовать награду за честный труд на столь опасной ниве? Самую простую награду-пост пресловутого великого политика. Тихо-мирно, и безо всякой стрельбы. Правда, придется тогда обзаводиться своими двойниками, и не исключено, что…без комментариев, как говорится.

Подставных лиц было еще больше, чем двойников. И в расход их пускали гораздо чаще. Работа эта, честно говоря, совсем паршивая-ни тебе денег толковых, ни почета, ничего. Поэтому в подставные лица идут только недалекие люди. Впрочем, истории известны случаи, когда эти беззащитные жертвы так разыгрывали спектакли перед лицом изумленной публики, что выпутывались из самых безнадежных ситуаций. И в итоге-они на коне, работодатель-в продуктах пищевой переработки. Особо одаренные и удачливые личности сами себя подставляли добровольно-чтобы потом подставить недруга. Представляете ситуацию-ваш вражина ухмыляется, цветет, что твоя майская роза, и тут его хвать…Дорого я бы дал за то, чтобы на его лицо посмотреть в этот момент.

Чаще, однако, подставных лиц просто отстреливают. Фигурально выражаясь, естественно.

Какая у этого рассказа основная идея? Простая она до жути… только объяснить эту святую простоту трудновато. Я попытаюсь-но надо прибегнуть к небольшому загрузу.

Допустим, в наличии у нас имеются две девушки (назовем их Лотхен и Гретхен) и молодой человек (Аполлон). Лотхен любит Аполлона. Гретхен любит Аполлона. Аполлон любит Гретхен. Как быть Лотхен? Если она любит Аполлона только за красивые глаза-найти двойника. Благих начинаний. Так можно и до конца света промаяться. Лучше всего отбить парня у Гретхен-да только как? Последняя ведь не слушается, упирается, дерется…Тогда надо найти замену и ждать лучших времен.

Принцип подыскивания замены такой-парень Љ2 (назовем его Эдип) должен быть-достаточно симпатичным, интересным

человеком (это особенно важно-обиженная Лотхен прежде всего нуждается в собеседнике, которому можно излить душу; впрочем, это не обязательно), и, что самое главное, слегка зашуганным (тут я немного переборщил-лучше будет «обделенным женским вниманием»). В переводе на нормальный язык это значит-«чтобы он повелся легко».

Улучшенный вариант-Эдип-друг Аполлона. Тогда открываются богатые перспективы-можно с его использовать как невольного посредника в сближении с желаемым объектом. Прелесть! Эдип-мечта любого психиатра-в нем сочетаются и двойник, и подставленный, и сам он ни о чем не подозревает! А как дальше получится…так ведь это никому неизвестно. Может миром правит случай, а может, и справедливость есть. И что самое главное-наш рассказ совсем не о каких-то зефирах и амурах. Собака порылась гораздо глубже.

НАЧАЛО

О всяческих безумствах толпы написано очень много книг, снято чуть меньше фильмов, и заведено совсем уж мало уголовных дел. Мало-это-конечно, относительное понятие. В море и пол-литра-капля. А в пол-литре можно и утопнуть. Как фигурально, так и буквально. Хотя вещица полезная, да.

Правда, не в ней дело. Если бы все было так просто, то и жить не надо было бы. И наш рассказ вовсе не о пол-литре. И не о толпе. А о людях.

Люди всегда идут, стоят они очень редко. А вот куда они идут…не мне это решать. Вообще это все равно, что смысл жизни искать. А вдруг он в поиске смысла жизни? Что тогда делать? Наверное, как говорят в угро, рассказать всю правду сначала.

Люди шли. Шли, как волны в море-то совсем тонкими ручейками, то лавиной. Никакой закономерности в чередовании не наблюдалось, и размер волн не рос. Всесокрушающих девятых валов не было.

Люди шли с радостью. И тревогой, это было видно по лицам. Подавляющее большинство народу шло поодиночке; изредка попадались парочки. Дружная компания была всего одна. Она стояла у входа и громко делилась впечатлениями сама с собой. Нет, это все как у парашютистов. Им перед первым прыжком не дают разговаривать. Если треплешься без умолку, значит боишься. Хотя, с другой стороны, если не говоришь, то что, бояться перестаешь? Все клин, короче.

А люди шли. Они шли и шли, и было понятно, что не остановят их ни ветер, ни моросящий сентябрьский дождик, ни… ну смерть-то, наверное, остановит. С другой стороны, им от этого легче не будет. Хуже не будет тоже. Всем станет все равно. Вот только большинству идущих было не все равно, когда станет все равно. Большинство большинства об этом не думало (среди идущих попадались и такие, кто старался думать как можно реже; но на самом деле их можно понять), а те, кто думал…таким людям всегда все равно. Просто удивительно, как они затесались в столь солидную компанию.

И люди шли. Их становилось все больше и больше, и ни одного грустного лица. Что ж, они получили что хотели. Почему бы не порадоваться? Даже заядлые пессимисты не беспокоились- ничего страшного в первую неделю случиться не должно; никогда не случалось раньше, во всяком случае. Только сейчас вовсе не «всякий случай» и не «раньше». Сейчас-это сейчас. Никто не обещал, что будет легко. Но они были готовы к трудностям. Кто-

то надеялся на свои силы, кто-то на везение, кто-то на свою способность выкручиваться. Таких было меньшинство. Практически все верили в себя. Да, с таким самомнением и на эшафот не страшно! Некоторые полагались на везение-как сознательно, так и бессознательно. Бессознательное везение-это самая лучшая штука в жизни. Вроде ты о нем не думаешь, и не надеешься на него, и мнительным не становишься-а дорога как пылесосом вычищена. Или, еще лучше, розовым маслом умащена. Лавровые венки там, лепестки цветов, прочая ботаника. Кайф!

Осознанное везение гораздо хуже. Правда-правда. Нет ничего хуже, чем осознать свое везение-тогда то по спине сразу пробежит холодок. И всю жизнь ты будешь бояться, что везение уйдет и оставит тебя на растерзание. Сразу мнительным станешь. И потом, разумное везение-разумно. Обязательно поможет. Но потом кинет. И кинет болезненно. Не смертельно, без тяжких повреждений, нет-только чтобы синяки остались, ссадины, нагноения. И ты ему будешь благодарен-потому что оно помогает. А если перестанет помогать-все. Приехали. Понимаешь это прекрасно и боишься.

Но люди все равно шли. А теперь обратите внимание на ту группку людей, подходящую справа-если смотреть наружу. В ней идет один очень интересный человек. А рядом с ним другой. Им предстоит сыграть немаловажную роль в этой истории.

Сейчас подъедет новенький «вольвешник». Из него выйдет третий герой. И подойдут четвертый и пятый. Скоро. Скоро все будут на месте.

Откуда я все знаю? И про будущее? Видите ли, я иду вместе с толпой. Я-один из людей. Я тоже подойду справа. Вот, уже подходит новая волна. Я-в ней.

Я

Теперь все позади. Эта мысль согревает меня и расслабляет напряженные мышцы шеи. Так бывает, когда снится кошмар-вскакиваешь вне себя, понимаешь все и обессиленно валишься на подушку. А потом при воспоминании нет-нет, да и пробегут мурашки по коже. Не дай бог повторится…Нет, то что произошло, повториться не может! В жизни такое бывает только один раз. Это не кино. Не книга. Это жизнь.

Но тогда, конечно, я ни о чем не подозревал. Если бы подозревал, стал бы монахом.

Ладно. Теперь можно говорить в полный голос-имеющий уши да услышит. Хотя такое будет происходить со всеми, кто пойдет с толпой. Через это можно только пройти…или стать монахом, или быть ясновидящим.

Я благодарен своему везению. Я его осознаю. Я осознавал его уже тогда, когда шел с толпами. Собственно, оно и втянуло меня в историю. И вытянуло оттуда живым и здравомыслящим. Пара седых волосков не в счет-они выпали. У меня такие же темные волосы, как и раньше. Прибавилось, правда, морщин под глазами. Ну и ладно. Соберемся-будем жить.

Задним числом я осознаю, что все это должно было пройти мимо меня. И мне просто не повезло. А выпутался я из этой истории тоже сам. Вернее, не сам. У меня просто не хватило сил-и я стал ждать. Будь, что будет. И пронесло! Должно было пронести, не мог же я умереть, в самом деле. Но вот почему я стал ждать? Сам я решил так или нет? Почему не стал дергаться? Муха, попавшая в паутину, бьется изо всех сил и только стягивает на себя все больше и больше нитей. А потом прибегает паук. Сначала он сидит в убежище и держит в передних лапках контрольную нить. Как только она начинает дрожать, он сразу выскакивает и прибегает. Хотя, с другой стороны, если не биться, то и шансов выпутаться не будет. А паук все равно придет, рано или поздно. Да, сравнение неудачное. Но это дел не меняет. Я сел и стал ждать. Только отмахивался. И выжил.

Теперь к делу. Все мы, идущие, были новыми работниками Института Экспериментальной Психологии. Подопытными кроликами. Нас всех разбили на группы по случайному принципу, группы разбили на более мелкие группы, а те-на еще более мелкие. Дали работу-преимущественно интеллектуальную. И приказали вести себя естественно.

Не могу я отвлечься от тех страшных событий! Просто не могу. И не знаю почему. Но летними вечерами я часто

вспоминаю-кто и что сказал тогда, в тот страшный год. Да какой год-полгода. Страшные шесть месяцев. С ноября по май. И май. Все было тихо и мирно-и люди…что с ними творилось! Люди…и ведь я виноват, я!

Чувство вины. А что было бы, если бы я, допустим, тогда согласился? Вот оно, везение. Мог бы пресловутый внутренний голос подсказать, предостеречь, помочь! Мог бы-но не стал. Может, это и к лучшему.

Мы вели себя естественно. Так же, как пауки в банке. Эх, опять я пытаюсь оправдаться в своих же глазах…

Первый год прошел нормально. Без потрясений-мы все еще не привыкли друг к другу. И только подумать, я играл тогда одну из ведущих ролей. И ничего не предвидел. Я не ясновидящий. И никакой дедуктивно-индуктивный метод тут не помог бы. Кто бы мог подумать; не было такой возможности. Просто не было. Никто не мог подумать…никто. Я в том числе. Но должен был. И ведь мог. Все-таки мог. Сейчас я вспоминаю только обрывки, мимолетные фразы, первые предупреждения…но то, что он, нет, невозможно, решительно не понимаю, отказываюсь понимать. Как хорошо, что все прошло, а я жив! Я люблю жить. Обожаю. Привык.

Все поизошло на второй год. Сначала все было нормально…а потом…Да, я не уследил! Не предвидел! Но что мне теперь делать?! Что?! Что?!

«Все должно пройти,»-сказал я. «Все пройдет,»- сказал я. «Все проходит,»-сказал я.

«Все прошло,»-говорю я теперь. А прошло ли? Прошло. Навсегда. Я жив. Я жив. Жив. Жаль, что все прошло. Жаль.

Интересно, как сейчас все остальные? Как…

ОН

Он шел в той самой первой группе. Именно на него я рекомендовал обратить внимание. Рекомендовал, заметьте, потому, что вы бы его ни в жизни не запомнили. Он не Квазимодо, но и не Адонис. Так, среднестатистический человечишка; рост выше среднего, цвет волос темный, натуральный, глаза карие, кожа чуть смуглая. Особых примет нет.

Насчет человечишки я, не спорю, слегка переборщил. Все то же самое можно сказать и обо мне. За исключением роста, цвета глаз…а особых примет я опять же не имею.

И был он как Эдип из пролога-в меру симпатичный, но зашуганный. Я сразу решил, что его можно не бояться. Человек он неплохой, к рукоприкладству явно прибегать не любит-поэтому я его вполне мог бы подавить луженой глоткой и цинизмом. Я так и сделал. Не учел я только одного-мною же самим выдуманного закона согнутой палки. Очень простого. Взяли палку. Согнули. Резко отпустили один конец. Она выпрямится, и прежде чем прийти в исходное состояние, изогнется в обратную сторону-исключительно по инерции. И чем сильнее был первоначальный изгиб, тем больше риск, что палка стукнет вас по носу, когда вы ее отпустите. А ведь есть еще вариант, когда она сама из рук выскакивает…самый болезненный. Потому что неожиданный. Вот и от него я этого не ожидал.

Короче, очень скоро он вышел на ведущие роли! Вы можете себе это представить? Чтобы какой-то маленький человечишка был выше меня?! Да никогда!

Нет, я не захотел его убить. Мы должны сражаться цивилизованными методами-так нам вдалбливали на инструктаже при зачислении на работу. И какой метод выбрать? Не спорю-сначала надо было себя спросить-а зачем мне лезть наверх? Зачем мне руководить? Сейчас, по прошествии времени, я понимаю-нет, не надо было, сам же себе говорил: «Не лезь туда, дурья голова, опасно! Наверху играют взрослые дяди, и тебя, малыша, могут играючи вниз спихнуть. Не со зла-по невнимательности.»

А так хочется наверх…Увидел человек звезды и решил: «Хочу туда!» И теперь бьется и бьется…странный он. Другие посмотрят-посмотрят, и пойдут по домам. Мол, зачем нам к звездам? Незачем, они нам для того даны, чтобы ими любоваться. А человек смотрел и смотрел. Его звали Икар. И девиз у него был-со щитом или на щите. Мог бы оставить щит тихонько в уголке и уйти, не прощаясь. Никто бы ему не сказал ни слова. А с

девизом…не надо девизов! Девизы-воплощение принципов; а принципами уже вроде и поступиться жалко. Зря. Так что учтите-анестезии не будет, зато вся слава останется. А денег-ни-ни. Ни капли. Хватит и славы. Трупу все равно.

Жаль, что я был человеком. Я им и остался. Только человек может сидеть и думать: «И зачем я так поступил?» Наверное, я действительно человек. И я думаю-а зачем мне это было надо?

Так насчет цивилизованных методов…в общем, я решил своего добиться. Любой ценой-главное, чтобы без шума и пыли.

И тут…такой прокол, что любо-дорого смотреть! Ему не повезло. Вся жизнь начала падать, уходить у него из-под ног… бессознательное везение тоже может обидеться. Иногда я думаю, что оно ребенок-послушный, но с эдаким вывертом. Может и обидеться на непонятливого родителя. Тогда оно вырастет, и превратится в большую…красивую…но судьбу.

Мое мнение о нем сразу переменилось. И чем люди лучше пауков в банке? Тем, что могут быть друзьями. В горе. Сразу я понял, что он человек, такой же, как я. Уязвимый, человечный в своей уязвимости. Неплохой. Хороший.

Сколько во мне хороших черт? И плохих? Что лучшее? Можно монотонно сказать: «Она хорошая женщина. Он плохой человек. С ним каши ни в жизни не сваришь.» И что? Всего одна черта. Во всех. Как у буддистов-капли ртути подобны Нирване. Они сливаются, исчезают как целое и остаются. Нирвана все, потому что она ничто. А если я хочу быть собой?

Всего одна черта на всех. Человечность. Кто сравнил ее с добротой и милосердием? Его закидали камнями, а он остался чист, как горный хрусталь.

Я не люблю хрусталь.

Кем я буду, если я стану хрустальным? Похож на бусинку, а их на одной нитке десяток. И все в Нирване. Но мы были разные. Он и я подружились. Иногда я смотрю на звезды и думаю: «Как они все?» А потом думаю: «Мы бы не подружились, если бы не случай.» Как поживает случай? Как…

ОНИ

Я смотрю на звезды и на луну, слушаю звуки ночи. Ночь-лучшее время суток. Для меня. Никто не беспокоит-кроме памяти. А память…время стерло все детали. Но стоит вспомнить лишь одну, и остальные проступают пятнами крови на белой скатерти. Я того хотел. Зачем жаловаться?

Они шли вместе. И еще не знали, что будут отождествляться друг с другом. Не исключено, что они и внимания друг на друга не обратили сначала. Хотя…если посмотреть на пятно справа…не исключено, что все было подстроено. Что есть мера истинности-восприятие. Никогда не знаешь, что есть в действительности-можно только думать, что оно есть. Не звезды, а лампочки. Не ветер, а вентиляция. Не любовь, а спектакль.

Никто не думал, что они станут самими собой. Уж слишком были они разные. Я тоже не предвидел. И теперь понимаю-они были причиной…все пошло из-за этого. Маленький камушек стал причиной лавины. И все опять же из-за восприятия.

Есть ли фатум? Мы все поняли неправильно-каждый по-своему. Произошло то, что должно было произойти. А можно ли было понять по-другому? Замечательно. И что теперь изменилось?

Если бы они были куском пластилина, я бы им не позавидовал. Их бы так измяло…мало не показалось бы. А может, мы вообразили их такими, и они такими стали? Значит, мы абсолютная истина. Совесть и мера всего. Только как перемерить себя? Ими. Но если они-плод воображения, то мы осмысляем себя как…плод собственного воображения. И кто-то среди нас-единственный человек, который по-настоящему думает. Пусть он будет человечным-тогда и его отражения в кривых зеркалах будут…Они есть. Их не изменить.

Мы думали, что они умны и глупы в своем единственном лице. Только не могли решить, кто есть кто. Мы думали, что они исключительно интравертивны-они оказывались экстравертами. Мы приспосабливались-они изменялись. Мы не могли понять алгоритм изменений-мы стали действовать наугад. Считалось, что они не могут создавать никаких планов. Такие догадки разлетались вдребезги. Громоздкие, чудовищно сложные планы, полные предвиденных случайностей работали! Мы стали создавать еще более сложные планы, продумывали их до мелочей-и они рушились.

Зачем все это. У него были свои счеты-у меня их не было, но мне просто было весело. Да, весело. Сейчас я иногда улыбаюсь, но

только во сне. Откуда я это знаю? Мне так кажется. Но ведь я должен когда-нибудь улыбаться, не так ли?

Они никого не трогали намеренно-поэтому ничто не могло тронуть их. Но надо было действовать. А я их жалел. Они мне не были нужны.

Сейчас я понимаю, что легче бы было разделить их, переделать и использовать по собственному усмотрению. Но зачем? Мне это не было нужно. У других были свои счеты. Свои.

Пройти со щитом-это звучит красиво. Не беда, что придется идти по костям и по колено в крови-это дело принципа. Брезгливым среди нас не место. И если мы все будем спускать на тормозах-что от нас останется? Кучка сильных-которые съедят друг друга. Но люди не погибнут. Потому что слабых достаточно. В слабости сила, в умении ударить из-за угла и убежать. Без таких людей не было бы человечества, без человечества не было бы человечности. Толпы людей шли тем сентябрьским днем под знаменем человечности, и никто об этом не подозревал. Самые главные подвиги и самые громкие преступления совершаются ради всех нас-по незнанию. Если бы не было людей, не было бы ничего-ни меня, ни его, никого. Некому было бы смотреть на звезды. Никто бы ни о чем не вспоминал, не шел, щурясь от ветра, вперед и вперед; никто не нес бы знамя человечности под аккомпанемент хруста костей; наконец, никто не придумал бы, не воплотил и не заправил бензином тот новенький «Вольво». Из него вышел один из героев. Другой уже подходит справа.

Честно говоря, мне не хочется об этом вспоминать.

ОН И ОНА

Она приехала на машине. Он пришел пешком. Она высокая. Он высокий. Они были общительными. Они сразу понравились друг другу. И стали главными действующими лицами. Он и она не были ими-в некоторых, весьма специфических смыслах этого слова. Они были отдельно-но в моем сознании они ассоциируются. Иногда я сам себя считаю мерой вещей. Нет для меня объективной истины-потому что ее воспринимаю я. Сам для себя. А другие могут понять ее по-другому.

Кусок горного хрусталя. Трещинка делит его пополам. Я вижу трещинку. Для меня она существует в куске хрусталя. Он видит трещинку. Для него она существует. Они слишком заняты собой. Для них трещинка не существует. Пока они не обратят на нее внимания.

Случалось ли вам грезить наяву? Когда вы не воспринимали окружающее-совсем? Помните выход из этого состояния-как резкий звонок будильника, наваливаются звуки, образы; осязание входит в вены; где-то в сонной артерии зарождаются мысли. Они несут понимание действительности. Были и другие. В которые вы погружались, оставляя действительность. Что, если можно не думать об окружающем? Не видеть с открытыми глазами, не чувствовать даже кожи. И жить. Останется ли тогда объективная реальность? Будет ли она жить без меня? Если о ней не думать, а? Может, я и есть тот самый человек. Единственный в своем роде. И все мы-отражение моих мыслей. Что будет в отражении зеркала в самом себе? Как я выгляжу со стороны? Надеюсь, я достаточно человечен для этого мира.

Он и она были порознь-и в то же время вместе. Я не обращал на них внимания. Не видел мою судьбу-созданную, заметим, моими мыслями. Надо же-я первый придумал свою судьбу. Или нет. Смерть приходит всегда в лице чего-то. Ничто в лице нечто. Тогда ее можно победить. Ничем стать нельзя-можно превратиться во что-то. Я не готов. Мне надо все осмыслить и тогда начать последнюю битву. Последняя битва со смертью-как это романтично. Если победа будет за нами…я перестану быть человеком. Или стану. Тем самым, настоящим. Или жизнью. Или смертью.

Когда-то один из первых людей (живших еще до появления амеб) придумал замечательную штуку. Что все должно исчезнуть. Все, что исчезает, есть. То, что вечно-того нет. Он стал смертью. В наказание. Он стал вечным, непреходящим. Его не стало.

Мне надо все обдумать и подготовиться. А я не могу. Мысли

не те. Может, я существую лишь в мыслях. Где они?

Не могу думать о вечном, его нет. Я думаю о ней. О нем. О нас.

С ней я сблизился лишь на второй год работы. И мой друг подружился тоже. Из-за нее мы рассорились. Она была нужна нам-но по отдельности. Потом я стал утверждать, что ей движут лишь мотивы мести. Она не может терпеть их. И сойтись на почве взаимной ненависти не получится, не тот случай. Люди сказали: «Враг моего врага-мой друг.» Правильно-потому что по-человечески. А тут не тот случай. Их она не любила, за то, что они были сами собой. Ими. Они нужны были раздельно. Как котлеты с мухами. Моему другу достались мухи. Давно. Теперь пришла его очередь насладиться котлетами.

А я все видел. И не смог его предупредить. Хотел-но не стал. Решил проверить свои догадки и его заодно. Он не выдержал экзамен…в итоге. Просто не мог поверить в то, что человека можно заменить. Нельзя…и можно. Этого не объяснить.

Он мог держаться только до тех пор, пока существовали они. И стремился их уничтожить. Он не видел, я не сказал. О чем нам теперь говорить?

Их не смогли разделить. Пришлось уничтожать. Он мог держаться, пока он не хотел вмешиваться. Так не могло долго продолжаться. Хорошо, что все случилось в мае. Наступала пора отпусков…Мы смогли пройти через это. Но мой друг…он оказался никому не нужен. Что-то случилось после мая. В июне. Я ничего не видел. В июле, наверное. И ладно. Мы не можем остановить время-тогда пусть идет.

МЫ

Все уже сказано. Что было. Что стало. Один вопрос остался… что должно было быть. Теперь я знаю ответ. Однако рассказывать про «потом»? Я смотрю на звезды. Мне хорошо. И память проснулась. Она хочет есть…зачем ей моя душа? Стоит перед глазами та сцена, дешевая сценка из второсортного боевика. Самое интересное, что ее не было никогда. Или была, но растянутая во времени, как портрет на резине. Отпустишь его и соберется, сложится, появится лицо. Память-память, ты во мне или я в тебе?

Перестать быть человеком. В средние века пили для этого потаенные зелья с горьким вкусом. И потом жарились на кострах. Это было жутко больно и несправедливо. И все из-за того, что имярек захотел стать другим. Червем, орлом. Волком. Смертью. Не для того же, чтоб на звезды любоваться. И поделом ему… если все станут такими, что станет с людьми.

Перестать быть человеком. Только среди людей можно стать другим. Но без людей не станешь таким. Ты сам в них. И они в тебе. Отнесись к этому с пониманием-или станешь смертью, вечной, как памятник. Тебя не станет. Почему никто не хочет быть жизнью…потому что тогда надо будет умирать. Не люблю я этого дела.

Я живу. Если обо мне перестанут думать после смерти, я умру. Это доподлинно известно. А если обо мне перестанут думать при жизни. Что тогда? А если я стану смертью…тогда-то меня попомнят. Значит, я буду жить? Существовать…

Перестать быть человеком. Мы смогли это сделать… но только в отношении друг к другу. Мы перестали быть друг для друга. Мы существовали и пытались вернуться к жизни. Каждый по отдельности, но одновременно. Цепляясь друг за друга. Мы перестали быть нами. Мы стали ими. Все вместе.

Бейся, мое сердце! Зачем мне память? А зачем мне я сам? Все вынести. Победить. Выжить. Человек, на самом деле, может жить при любом уровне стресса. Сначала будет тяжело, тяжелее, жутко тяжело. Никаких поблажек. А потом все сразу исчезнет-наступает приспособление…стресс остался, я остался, мы друг другу не нужны.

Чем все кончилось. Да ничем. Фактически, все продолжалось еще несколько лет. Но я этого не чувствовал. Просто приспособился. Самое интересное-если постоянный стресс исчезает, то становится неуютно. Легко, но неуютно. Но жить можно. И я жил. И выжил.

Я знаю, что мне надо сделать. Рассказать людям о себе. Написать о себе. Чтобы предупредить их, что не прошло еще время оборотней и двойников, и подстав. Не прошло и не пройдет. Мы всегда будем в поиске их. Захотим стать ими. Захотим быть вместе, и быть самими собой… одновременно. Захотим заменить человека другим. Заменить человека его собственным отражением. Заменить жизнь смертью. И не захотим жить сами. А ведь мы можем. Остаться бы только людьми.

Я знаю, что делать. Звезды тускнеют. Я напишу рассказ о всех нас. Я не знаю, как он будет начинаться, но конец я уже придумал. Мой рассказ закончится так…

Человек, на самом деле, может жить при любом уровне стресса. Сначала будет тяжело, тяжелее, жутко тяжело. Никаких поблажек. А потом все сразу исчезнет-наступает приспособление…стресс остался, я остался, мы друг другу не нужны. Средство апробировано.